

несмотря на стремление к сближению, перечисленные факторы оказывают негативное влияние на общую картину отношений между двумя странами.

Рассмотрев динамику развития отношений на государственном и социально-культурном уровнях на протяжении двух последних столетий, А. Делавери считает необходимым сделать некоторые предложения.

1. Российским политикам нужно переосмыслить структуру отношений с Ираном и приложить усилия для ликвидации негативных последствий.

2. Развитие социально-культурной сферы должно происходить не только через правительства, но и через интеллектуальные и культурные элиты, деятелей экономики, организации гражданского общества и развитие двустороннего туризма.

3. Развитие академических и научных контактов может содействовать укреплению всесторонних связей и стратегического баланса между государством и обществом обеих стран.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева

2019.03.006. **Зинин Ю.Н. ЛИВИЯ:
ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ПОСЛЕ КАДДАФИ //**
Азия и Африка сегодня, М., 2019. № 4. С. 2–8.

***Ключевые слова:** М. Каддафи; ислам; «Братья-мусульмане»; НАТО; исламизм; террор; этнический состав.*

Зинин Ю.Н.,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ

Автор статьи рассматривает роль исламского фактора в Ливии после свержения ее лидера М. Каддафи и прихода к власти новых сил.

Крушение государственных и военных структур после начала «Революции 17 февраля» в ходе внутреннего конфликта при участии НАТО, а затем междоусобица местных вооруженных групп привели к коллапсу вертикали единой власти и дезинтеграции государства. С лета 2014 г. в стране царит двоевластие с противостоящими друг другу «полюсами» администрации. Один – в Три-

поли на западе и другой – в Тобруке на востоке, каждый со своим правительством, парламентом и силовым блоком. Население современной Ливии исповедует ислам суннитского толка. Особенность страны в том, что на ее огромной и в основном пустынной территории с редким населением издавна существовали суфийские братства.

Автор отмечает, что Ливия сочетает религиозное разнообразие с пестрым родоплеменным составом населения: 85% ее жителей имеют племенные корни. Число племен – более 100. М. Каддафи (в 1969–2011 гг.) своей главной целью ставил строительство единого современного государства. Вызовы, стоявшие на этом пути, во многом были предопределены сложившимся веками менталитетом племен с их мятежным характером, отвергавшим попытки поставить их под контроль центра. В своей политике М. Каддафи делал ставку на два фактора: это часто ассоциировавшийся с личностью вождя официальный ислам и надплеменной ливийский национализм, опиравшийся на концепцию «Джамахирии» (государства масс). Власти пресекали любую политическую оппозицию, создание партий или движений под исламскими знаменами.

Описывая события 2011 г., автор отмечает, что в начале событий в Ливии исламистские лозунги не стояли во главе повестки дня, но они сыграли роль триггера протестов в г. Бенгази – столице восточного района. Тогда толпа, подстегнутая карикатурами на Пророка Мухаммада в европейских СМИ, напала на консульство Италии и была расстреляна полицией. Выступления переросли в волнения с требованиями отставки М. Каддафи и быстро захватили Восток Ливии. В данном случае религиозные мотивы слились с региональными: убеждения, что в эпоху Каддафи Восток, обладавший 75% всех нефтяных ресурсов Ливии, был ущемлен при распределении нефтедоходов в отличие от Триполитании. Свой вклад в действия повстанцев против войск правительства внесли ряд исламских боевиков-джихадистов.

Далее автор, описывая ситуацию в Ливии после убийства Каддафи, отмечает, что Национальный переходный совет (НПС), взявший власть, провозгласил, что страна будет следовать «курсу шариата» и отменит законы, которые ему противоречат. Автор указывает, что на политическую арену в стране вышли новые силы, в том числе исламские, радикально настроенные, воспользовавшиеся вакуумом власти, образовавшимся после слома государственных структур. В 2013 г. 14 командиров исламистских групп, воевавших еще в Афганистане и прошедших тюрьмы, заняли посты

в руководстве МВД, Министерства по делам шахидов, начальников тюрем, глав военных советов городов и т.д. Развернулся процесс легализации и организационного укрепления различных фракций исламистов, прежде всего «Братьев-мусульман». Они занялись созданием своих ячеек на местах, наращиванием политической и прочей активности в стране, развитием зарубежных связей. При движении было создано политическое крыло – «Партия справедливости и строительства» (ПСС). В марте 2012 г. завершилась ее регистрация. ПСС является финансово и административно независимой структурой, и члены БМ вступают в нее на индивидуальной основе. «Партия справедливости и строительства» является наиболее крупной партией с точки зрения своей организованности, прагматической программы и дисциплины. Ее будущее связывают со способностью пройти тест в борьбе против течения джихадизма и внести вклад в разрешение нынешнего ливийского кризиса с двоевластием. В то же время немало авторов призывают не переоценивать вес и роль БМ. Другую исламистскую партию – «Партию Родины» – возглавил бывший командир «Ливийских исламских боевых групп» А. Бельхадж. Возникла и меньшая по размерам «Партия Центра Уммы», ее руководитель Сами Ас-Саади – также бывший боевик.

Автор указывает на расхождения и соперничество между разными направлениями, существующими в стане политического ислама, в частности между «Братьями-мусульманами» и салафитами. Ранее, в эпоху Каддафи, влияние салафизма на верующих в Ливии было несопоставимо большим по сравнению с подпольными группами БМ. Но он оставался весьма аморфным течением. Из других радикальных образований автор называет «Батальоны защиты Бенгази» (Сарая Ди-фаа ан Бенгази). Оно образовалось в июне 2016 г. путем слияния трех Советов шуры.

Анализируя конфликт суфиев и салафитов, автор отмечает, что их разделяют вопросы доктрины и ритуально-обрядовая сторона веры. Салафиты смотрят на суфиев как на «еретиков», ибо последние поклоняются своим местным святым. Салафиты выступают против суфийской практики зикров, коллективных радений с танцами и считают их проявлением черной магии и язычества. Некоторые аналитики объясняют эту вражду конкуренцией двух компонентов на поле ислама за влияние среди верующих, особенно молодежи. Также очевидно, и это подтверждено в СМИ, что различные течения салафитов получают помощь из-за рубежа, прежде всего от богатых режимов нефтедобывающих стран.

Автор подчеркивает, что события в Ливии после начала «Революции 17 февраля» и вплоть до сегодняшнего дня демонстрируют внешнее вмешательство в ее внутренние дела, за которым стояли как Запад, так и часть арабского мира. Один из примеров этого – распространение в Ливии влияния течения салафизма, которое основал в начале 90-х годов XX в. и возглавляет саудовский богослов, шейх Рабиа Бен Хади Аль-Мадхали. Его течение проповедует строгое послушание и подчинение верующих своим повелителям, запрет на бунт, участие в любых выступлениях против правителей, в свободных выборах и т.д. Шейх нетерпим к другим салафитским течениям и исламским сектам. Влияние течения «Аль-Мадхали» распространяется на Египет, Кувейт, ОАЭ, Алжир и особенно на Ливию. «Аль-Мадхали» заметно позиционирует себя в киберпространстве. Ему принадлежат радиостанции в городах Аль-Мардж, Адждабия, другие радиоканалы – «Ислам», «Мир», «Салафизм», ряд электронных порталов и сайтов.

Будущее Ливии сегодня видится весьма смутным. Выход из кризиса, прежде всего политического, примирение между двумя противостоящими полюсами власти в Триполи и Тобруке с неустойчивым балансом сил не просматриваются, несмотря на долгий период переговоров при посредничестве ООН и других сторон. Граждане страны продолжают гибнуть от насилия из-за стычек конфликтующих сторон.

Помимо того что конфликт между бывшими победителями М. Каддафи обернулся двоевластием, в стране обострились межплеменные отношения, оживились разногласия между Киренаикой и Триполитанией, укрепились идеи в пользу берберской автономии, начались нападения на христиан (в эпоху Каддафи насчитывалось 100 тыс. христиан, ныне осталось несколько тысяч).

Ливия с февраля 2011 г. с ее неконтролируемыми границами длиной в 6 тыс. км воспринимается как полигон деструктивных исламистских сил и источник угроз соседям в Северной и Западной Африке. Они опасаются, что вирусы международного терроризма и анархии перекинутся к ним. В 2016 г. Тунис построил полосу длиной в 200 км для охраны своей границы с Ливией. Алжир возводит подобное сооружение протяженностью в 900 км. В начале 2012 г. часть повстанцев-туарегов бежали из Ливии в Мали и участвовали вместе с местными берберами в работе комиссии по созданию независимого региона под названием Азавад. Это привело к дестабилизации в Мали и в Нигерии, всплеску насилия при участии местных радикалов-исламистов. Ситуация не стабилизировалась и по сей день. Просмат-

риваются связи исполнителей терактов в Бельгии, Франции, Германии, Великобритании и Тунисе с ливийскими боевиками. Многие из них прошли подготовку в лагерях ИГ на территории Ливии.

Как представляется автору, политический ислам в Ливии – долговременное явление, хотя возможны его приливы и отливы. Стан исламистов в Ливии неоднороден и немонолитен. Он включает различные течения и ветви: «Братьев-мусульман», салафитов разного толка, последователей суфийских братств, джихадистов с их связями с зарубежными единомышленниками и при медийной поддержке арабских СМИ и сетей ИТ, особенно из Залива. Приверженцы этих течений хотя и утверждают, что «ислам – решение всех проблем», на практике соперничают между собой. Это вызвано не только их расхождениями в интерпретации веры, но и острой борьбой между вступающим в жизнь «третьим поколением глобального джихада» и конкуренцией их главарей вокруг дележа ливийского нефтяного пирога.

Но, по мнению автора, все-таки не стоит демонизировать политический ислам и его разные ветви, ибо это может породить новые конфликты и распри. Нужно отделить тех, кто не призывает к вооруженной борьбе и не исповедует идеологию терроризма, и втянуть их в свободный диалог и обмен мнениями с целью нахождения точек соприкосновения и общих подходов для решения острых проблем.

В Ливии за последние восемь лет так и не появилось влиятельных харизматических фигур, способных задать тон общему согласию в пользу компромисса и реализовать его. Местные элиты раздирают противоречия в силу неразвитости гражданского общества, пассивности, раздробленности населения в условиях двоевластия. При этом заимствованные у Запада компоненты политической надстройки, такие как избранные институты, многопартийность и т.д., не опираются на зрелый базис автохтонного общества, в котором господствуют религиозное и племенное мышление, традиции и нормы.

Автор реферата Е.Л. Дмитриева